

апелляционной инстанции экономического суда Гродненской области от 10.03.2016 (дело № 41-3Б/2015/60А/16А) оставлены без изменения [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О несостоятельности (банкротстве) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2017) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.

3. Решение экономического суда Гродненской области от 15.09.2016 (дело № 107-3/2016), определение районного суда от 12.08.2016, постановление президиума городского суда от 06.07.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Каменков, В. С. Как новый проект Закона о банкротстве соотносится с практикой [Электронный ресурс] / В. С. Каменков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Колядко И. Н.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОРМ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В МАТЕРИАЛЬНОМ И ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, koliadko@tut.by

Развитие понятия и теории права на иск основано на анализе природы цивилистического притязания между субъектами гражданского права. Соответствующие этому притязанию предпосылки и условия реализации права на судебную защиту теоретически обоснованы в конце 50-х гг. XX в. профессором М. А. Гурвичем [1, с. 15–263]. При кодификации советского процессуального законодательства эти предпосылки и условия были распространены в ГПК БССР 1964 г. (но не в полном объеме) на другие цивилистические судебные споры (трудовые, семейные, земельные, жилищные и др.). При этом в соответствующих отраслях кодифицированного законодательства закреплялось общее положение о праве на судебную защиту.

Классическими предпосылками права на судебную защиту являлись подведомственность дела суду, правоспособность сторон, отсутствие судебных постановлений по тождественным спорам при разрешении дела по существу либо об утверждении отказа от иска и мирового соглашения, кроме длящихся правоотношений. Под влиянием ряда положений материального права наряду с ними допускалось существование специальных предпосылок – соблюдение претензионного порядка защиты права, в котором устанавливался пресекательный срок, наличие согласия жены на расторжение брака в период ее беременности и после рождения ребенка и др. Общее право на судебную защиту в публичных отношениях отсутствовало, так как суду были подведомственны лишь единичные категории дел.

В сфере правоотношений из государственного, административного, финансового и других публичных отраслей права общие положения о праве на судебную защиту стали закрепляться лишь в конце 1990-х гг. после реализации конституционных норм о праве на обжалование в суд неправомерных действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц в отдельном законодательстве. Отражение новелл этого законодательства в ГПК БССР 1964 г. привело к распространению большинства предпосылок и условий права на иск на обжалование в суд неправомерных действий гражданами и юридическими лицами в случаях ущемления их прав.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – ГПК) лишь незначительно модернизировал регулирование общих предпосылок и условий права на судебную защиту как для исковых, так и неисковых дел. Вместе с тем под влиянием конституционных гарантий права на судебную защиту (ст. 60 Конституции Республики Беларусь) из процессуального закона изъяты специальные предпосылки права на судебную защиту, а соблюдение претензионного порядка защиты отнесено к категории условия права на судебную защиту с отменой пресекающего срока на его соблюдение.

При этом, если право на судебную защиту – на иск в гражданском материальном праве – основывалось на предполагаемом материальном притязании любой стороны в материальном правоотношении (споре), то право на судебную защиту в публичных отношениях (административный иск) – чаще на праве обжалования (оспаривания) действий (бездействия) публичных лиц (уполномоченных на правоприменение государственных органов, должностных лиц) с целью защиты прав и свобод граждан и организаций. Однако в законодательстве и судебной практике имели место и обращения уполномоченных государственных органов в суд с целью ограничения прав и свобод граждан ввиду публично-правовых нарушений [2, с. 497].

Учитывая, что в прошлом веке в европейских странах источником и образцом построения процесса по административным делам послужил процесс гражданский, а административный иск развивался из жалобы, хотя и допускал рассмотрение требования государственных органов к гражданам [3, с. 686, 691], следует средства судебной защиты в публичных делах приравнять к иску, закрепив его особенности в отдельном производстве.

Между тем четкого критерия разграничения на гражданский иск (притязание) и право на публичный иск (жалобу, оспаривание действий публичных лиц) нет в ряде отраслевых кодифицированных актов Республики Беларусь (КоБС, ЖК и др.). В Кодексе Республики Беларусь о земле через термин «спор» отождествляются конфликты гражданские и публичные. В Трудовом кодексе выделяется право на обжалование лишь отдельных случаев отказа в приеме на работу. Полагаем, что критерии разграничения вытекают из правил ст. 10 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), которые в п. 1 определяют, что защита нарушенных и оспариваемых прав

осуществляется судами общей юрисдикции и третейскими судами и, таким образом, устанавливают, что это гражданские споры между равноправными субъектами гражданского права и цивилистические исковые требования.

Одновременно для публичных притязаний, связанных с нарушением гражданских прав в п. 3 ст. 10 ГК обозначено право на обжалование решений о защите гражданского права, если защита в административном порядке установлена законодательством. Это предопределяет структуру сторон публичного спора, где обязательной стороной является правоприменитель. Такой принцип обжалования (оспаривания) решений публичных субъектов соответствует ч. 4 ст. 122 Конституции Республики Беларусь. Это конституционное право является частным проявлением всеобщего права на судебную защиту, закрепленного ст. 60 Конституции Республики Беларусь, которая гарантирует право на судебную защиту как при реализации прав и свобод в административном порядке, так и при ограничении по инициативе государственных органов в суде прав и свобод граждан и организаций.

Процессуальное законодательство должно в будущем прямо отразить наличие двух видов дел (соответственно административных исков): об оспаривании (обжаловании) гражданами и организациями действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц с целью защиты прав и свобод, и по заявлениям государственных органов об ограничении прав и свобод граждан и организаций, нарушивших законодательство.

Общие предпосылки права на судебную защиту будут едиными для цивилистического и публичного иска: 1) подведомственность дела суду; 2) правоспособность сторон; 3) отсутствие решения суда по тождественному делу с участием тех же сторон или их правопреемников либо 4) определений суда об отказе от иска, или утверждении мирового соглашения.

Безусловно, для дел публичного характера неприменимо третейское разбирательство. Соответствующая предпосылка права на обращение в суд об отсутствии третейского договора применима лишь к цивилистическим искам.

Из условий реализации права на судебную защиту следует обратить внимание на соблюдение предварительного внесудебного порядка разрешения дел. Полагаем, что к нему могут быть отнесены не только гражданские претензионные процедуры, процедуры бесспорного взыскания денег, административного обжалования, но и случаи обязательных досудебных примирительных процедур, тенденция к установлению которых прослеживается в ряде законопроектов. Принципиально важно, что при этом не ограничивается право на судебную защиту при отпадении этих условий.

Использование института иска как единого средства защиты прав и свобод в публичных отношениях позволяет иметь в процессуальном законодательстве единые предпосылки и условия реализации права на судебную защиту. Признаком права на публичный иск в материальном праве является употребление терминов об оспаривании (обжаловании) действий (бездействия) уполномоченного органа, либо право такого органа на обращение в суд для ограничения прав и свобод граждан и организаций.

Библиографический список

1. Гурвич, М. А. Право на иск / М. А. Гурвич // Избранные труды : в 2 т. – Краснодар : Советская Кубань, 2006. – Т. 1. – С. 15 – 263.
2. Колядко, И. Н. Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь / И. Н. Колядко // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 495–498.
3. Корф, С. А. Административная юстиция в России / С. А. Корф // Административная юстиция. Конец XIX – начало XX века. Хрестоматия. – Ч. 1. – Воронеж, 2004. – 720 с.

Королева А. Н.

СУДЬЯ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ?

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королева»,
ул. Московское шоссе, 34, 443086 Самара, Россия, korolevaan@mail.ru

Во многих странах разработка и применение технологий искусственного интеллекта и робототехники является одним из важных приоритетов социально-экономического развития. В Российской Федерации технологии искусственного интеллекта отнесены к основным направлениям развития российских информационных и коммуникационных технологий (п. 36 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы) и перспективным направлением развития цифровых технологий (раздел I программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р).

Технологии искусственного интеллекта известны всего почти 70 лет. В 1950 г. английский математик А. Тьюринг опубликовал статью «Computing Machinery and Intelligence» («Вычислительная техника и интеллект»), в 1956 г. эта статья была опубликована под заголовком: «Can the Machine think?» («Может ли машина мыслить?» [1]), в которой описал «игру в имитацию» – процедуру оценки интеллектуальности машины, которая получила наименование теста Тьюринга. Считается, что исходный термин «*artificial intelligence*», который переведен на русский язык как «*искусственный интеллект*», положивший начало новому научному направлению, был предложен в 1956 г. американским математиком Дж. Маккарти. В 70-е гг. XX в. начинается коммерческое использование искусственного интеллекта: в США были разработаны экспертные системы,